

**Санкт-Петербургская  
православная духовная академия  
Архив журнала «Христианское чтение»**

**архим. Сергий**

**О нравственности вообще:  
чтение в доме Общества спасения на водах 29  
октября 1900 года**

*Опубликовано:  
Христианское чтение. 1900. № 12 С. 887-912.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия  
([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)), 2009. Материал распространяется на основе  
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием  
авторства без возможности изменений.



СПбПДА  
Санкт-Петербург  
2009

# О нравственности вообще.

(Чтение въ залѣ Общества спасанія на водахъ 29 октября 1900 года)

**Ч**ЕЛОВѢКЪ не только живеть и дѣйствуетъ въ этомъ мірѣ, не только получаетъ отъ него впечатлѣнія, но имѣть способность и оцѣнивать эти впечатлѣнія и свои дѣйствія. Одни изъ нихъ онъ называетъ хорошими, а другія—дурными. Оцѣнка эта можетъ производиться съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія. Сообразно съ этимъ и значеніе словъ «хорошій» и «дурной» будетъ различно.

Извѣстное явленіе мы называемъ хорошимъ, потому что оно намъ *пріятно*: хорошо съ морозной ночи войти въ свѣтлую и теплую комнату и обогрѣться. Хорошимъ оказывается и лѣкарство, потому что оно намъ *полезно*. Можно оцѣнивать явленія и съ точки зрѣнія *красоты*; такъ хороша картина, такъ мы называемъ хорошимъ, прекраснымъ извѣстный видъ въ природѣ. Но кромѣ этой оцѣнки, кромѣ перечисленныхъ мѣрокъ пріятности, пользы и красоты у насъ существуетъ еще оцѣнка, еще мѣрка, которою мы измѣряемъ явленія, независимо отъ ихъ пріятности или непріятности, пользы или красоты. Мы иногда оцѣниваемъ явленія, и главнымъ образомъ поступки человѣка, по ихъ внутреннему достоинству, съ точки зрѣнія *должнаго и недолжнаго*.—называемъ хорошимъ то, что должно, недолжное же называемъ дурнымъ. Если поступокъ согласенъ съ тѣмъ, что должно, мы называемъ его *добрыймъ дѣломъ*; если онъ требуетъ особеннаго напряженія духовныхъ силъ человѣка, называемъ его *подвигомъ*. Въ противномъ случаѣ, поступокъ будетъ *злодѣяніемъ, грѣхомъ, прегрѣщеніемъ*. Такъ: алчущаго напитать, подать милостыню нищему, помочь больному и т. п. будутъ добрая дѣла;

обидѣть же кого-нибудь, обмануть, укraсть будуть преступленія. Если оцѣниваются свойства души человѣческой, то свойства похвальныя, должна называться *добродѣтелями*, противоположная же имъ — *пороками*. Милосердіе, кротость, цѣломудріе, справедливость — добродѣтели; жестокость, лѣнность, коварство, малодушіе — пороки.

Оцѣнку эту мы обычно совершаемъ непосредственно, — прямо чувствуемъ, что данный поступокъ хорошъ или не хорошъ, должно было его совершать или не должно. Это показываетъ, что нашей душѣ присуще сознаніе или чувство какой-то нормы, закона, который опредѣляетъ, что должно и что не должно. Это — тѣль законъ, о которомъ ап. Павелъ сказалъ, что язычники естествомъ законная творятъ, знаютъ добро по самой природѣ своей. Въ отличіе отъ законовъ писанныхъ, т. е. данныхъ въ Св. Писаніи или государственныхъ, гражданскихъ, этотъ внутренній, написанный въ сердцѣ законъ и называется *закономъ нравственнымъ*. Когда наше поведеніе согласно съ этимъ невидимымъ закономъ, мы ощущаемъ внутри себя довольство, удовлетвореніе. При нарушеніи же закона мы чувствуемъ разладъ въ душѣ, беспокойство. Въ просторѣчіи это выражается: «совѣсть покойна» или «совѣсть не покойна», мученія совѣсти и т. п. Точно также при видѣ поступковъ другихъ, мы сразу же чувствуемъ ихъ нравственное достоинство, невольно произносимъ въ душѣ имъ похвалу или порицаніе. Способность чувствовать нравственное достоинство своихъ или чужихъ дѣйствій называется *нравственнымъ чувствомъ*. Совѣстью же называется внутреннее око, которое даетъ намъ видѣть все наше душевное содержаніе, все, что есть въ нашей душѣ. Совѣсть, слѣд., съ одной стороны, всегда имѣеть предъ собою нравственный законъ, какъ непреложно-обязательное правило нашей жизни, а, съ другой, она видѣть наши поступки, и, сравнивая ихъ съ закономъ, тѣмъ даетъ намъ понять, откуда въ нашей душѣ разладъ, почему испытываемъ мы въ данное время довольство собой или же внутренній стыдъ, мученія. Наконецъ, все, что подвѣдомо совѣсти, что составляетъ ея содержаніе называется *нравственностью*: сюда относится и законъ, и исполненіе закона и оцѣнка своего нравственного состоянія.

Основнымъ понятіемъ всей этой области является, несомнѣнно, нравственный законъ. Откуда онъ въ человѣкѣ? Отъ такого или иного отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и самое наше представле-

ние о нашей душевной жизни и даже о самомъ призваніи и достоинствѣ человѣка. Отвѣтъ этотъ и постараемся мы въ общихъ чертахъ намѣтить въ настоящемъ чтеніи.

### I. Свойства нравственного закона и нравственныхъ дѣйствій.

При первой же мысли о нравственномъ законѣ, мы сознаемъ, что имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ явленіемъ гораздо высшаго порядка, чѣмъ всѣ остальные явленія,—оцѣнка съ точки зрењія этого закона есть оцѣнка высшая, чѣмъ всякая другая оцѣнка.

Высшее достоинство нравственного закона открывается уже изъ того, къ какимъ явленіямъ, къ какой области міровой жизни онъ прилагается. Между тѣмъ, какъ пріятнымъ можетъ быть все, даже просто пища, которую мы Ѵдимъ; между тѣмъ какъ полезнымъ можетъ быть не только человѣкъ, но и то животное, которое его везетъ, и тотъ экипажъ, на которомъ онъ Ѵдетъ,—нравственно-добрый или злый можетъ быть только человѣкъ, только онъ одинъ можетъ быть виноватымъ, отвѣтственнымъ за свое поведеніе. Правда, иногда мы склонны бываемъ считать виноватыми и животныхъ, особенно, когда они наносятъ намъ непосредственно какой-нибудь вредъ. Мы сердимся на собаку укусившую насъ или испортившую намъ платье, и готовы требовать для нея наказанія. Но въ такихъ случаяхъ достаточно бываетъ минутнаго размышенія, чтобы эта неумѣстная оцѣнка поступка животнаго представилась намъ странной, если не смѣшной: собака—не человѣкъ, она за свои дѣйствія не отвѣчаетъ. отъ нея нельзя требовать того же, что и отъ человѣка.

Мало того, и въ человѣкѣ не все подлежитъ нравственному закону, а опять таки только область высшая, наиболѣе важная и существенная. Виновнымъ человѣкѣ бываетъ только тогда и до тѣхъ поръ, пока онъ сознаетъ свои дѣйствія, и отвѣчаетъ онъ за себя только въ той степени, въ какой себя сознаетъ. Поэтому напр., никто не винить душевно-больныхъ людей, хотя они и совершаютъ иногда преступленія. Точно также мы не винимъ дѣтей съ такою же строгостью, какъ взрослыхъ, именно потому, что они еще дѣти, что ихъ сознаніе еще не развилось въ должной мѣрѣ.

Далѣе, въ сознающемся себѣ человѣкѣ нравственному закону подлежать только такія дѣйствія и состоянія, въ которыхъ съ особенною ясностью выступаетъ высшее достоинство

человѣка сравнительно съ остальнымъ міромъ: дѣйствія свободныя, въ которыхъ человѣкъ является господиномъ себя и природы, и только въ той мѣрѣ и до тѣхъ поръ, въ какой и пока эти дѣйствія свободны, пока они въ распоряженіи человѣка. Біеніе сердца, кровообращеніе, пищевареніе и пр. процессы тѣлесные никогда не ставятся въ вину человѣку, потому что они совершаются помимо его воли. Не ставятся человѣку въ вину и такія дѣйствія, которыя онъ совершаетъ, уступая какому-нибудь физическому насилию, или лучше сказать, которыя совершаются за него другими людьми. Напр., Оригена насильно заставили принести куреніе идоламъ: схватили его руку и, вложивъ въ нее ѿміамъ, притащили Оригена къ жертвеннику и, такимъ образомъ, совершили куреніе. Рабъ, исполняющій волю господина, или солдатъ, слѣдующій приказанію своего начальника, менѣе отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ господинъ и начальникъ. Нравственному закону, слѣдов., подлежать дѣйствія только сознательныя и только свободныя.

Съ другой стороны, тогда только и открывается истинное достоинство человѣка, тогда только и является онъ настоящимъ человѣкомъ, когда къ нему мы приложимъ оцѣнку нравственную. Онъ можетъ быть красивъ, но каковъ онъ самъ по себѣ, мы еще не знаемъ, и, если всю свою жизнь онъ обратить на служеніе своей красотѣ (особенно, когда дѣлаетъ такъ мущина), то, кромѣ презрѣнія къ такому человѣку, едва ли мы можемъ что-нибудь чувствовать. Человѣкъ можетъ доставлять намъ много пріятнаго, онъ можетъ быть намъ очень полезнымъ, и не только намъ, но и обществу; при всемъ томъ, мы задаемъ все прежній вопросъ: каковъ этотъ человѣкъ самъ по себѣ, хорошій ли или дурной? Полезный ремесленникъ можетъ быть обманщикомъ; одареннѣйшій дѣятель можетъ быть эгоистомъ и воромъ. Красота, пріятность или польза еще не составляютъ истинного достоинства человѣка, это достоинство дается ему только такимъ или инымъ его отношеніемъ къ нравственному закону.

Съ особеною же ясностью открывается величие нравственного закона, когда мы обратимъ вниманіе на характеръ его повелѣній, на то, какъ къ этому закону относится внутреннее сознаніе человѣка. Люди часто въ своихъ поступкахъ руководствуются чувствомъ пріятнаго: поступаютъ такъ, потому что такъ пріятно; проводятъ время ничего не дѣлая, въ развлеченияхъ и пересудахъ, потому что пріятно такъ про-

водить время. Нѣкоторые и всю свою жизнь живутъ ради удовольствія. Часто приманка удовольствія настолько сильна и соблазнительна, что только съ усиліемъ можно удержаться отъ извѣстного поступка. Однако, дѣйствуя ради удовольствія, человѣкъ никогда не думаетъ, что онъ обязанъ такъ поступать. Если онъ не послушается своего чувства, если пропустить удовольствіе, то, самое большее, онъ испытываетъ въ душѣ досаду на себя, но отнюдь не сознаетъ себя предъ кѣмъ-то виноватымъ. Точно также и разсчетомъ, исканіемъ своей пользы руководствуются очень многіе. Для нѣкоторыхъ это единственная разумная цѣль дѣйствій. И все-таки они сознаютъ, что сами такъ рѣшили, сами поставили себѣ эту цѣль. Если они поступятъ когда-нибудь, можетъ быть по ошибкѣ, вопреки этой цѣли, имъ будетъ досадно, но виновными предъ кѣмъ-то себя они опять таки не сознаютъ. Удовольствіе и польза, такимъ образомъ, предъявляютъ свои требованія человѣческой волѣ, но требованія эти идутъ какъ бы отъ низшаго къ высшему. Даже въ томъ случаѣ если обуяетъ человѣка какая-нибудь страсть и лишить его свободы дѣйствій и разсудка, то и тогда человѣкъ не теряетъ своего высшаго достоинства,—онъ чувствуетъ себя скорѣе униженнымъ, раздавленнымъ какой-то внѣшней, какъ бы физической силой, чѣмъ исполняющимъ чью-то высшую обязательную волю.

Не таковы отношенія человѣка къ требованіямъ закона нравственнаго, къ голосу совѣсти. Нарушеніе требованій совѣсти не ведеть за собою какого-нибудь прямого наказанія, не сопровождается ни физической болью, ни материальнымъ ущербомъ,ничѣмъ такимъ, что бы само по себѣ пугало человѣка. Голосъ совѣсти не налагаетъ на волю человѣка какихъ-нибудь оковъ, не вынуждаетъ человѣка поступать такъ, а не иначе. И однако, къ этому голосу человѣкъ постоянно прислушивается и, нарушивъ его повелѣніе, не только досадуетъ на себя,—но, что особенно характерно, чувствуетъ себя предъ кѣмъ-то виноватымъ и даже старается всячески предъ кѣмъ-то оправдаться. Возьмите Макбета, котораго преслѣдуютъ тѣни убитыхъ имъ людей, или Бориса Годунова, который хотѣлъ бы поставить крестъ надъ всею своей прежней жизнью («сегодня — царь Борисъ, — нѣтъ больше Годунова»): жалкій малютка—Димитрій не даетъ ему спать. Эти, при жизни безсильные люди, теперь получаютъ какъ бы высшую силу и влекутъ своихъ убійцъ предъ верховное судилище.

Вспомнимъ Раскольникова, совершившаго, по его разсужденію, вполнѣ разумное дѣло, чуть не спасшаго общество отъ злочестиваго паразита. Какъ воровски потомъ онъ тщетно искалъ оправданія предъ совѣстью!.. Въ удовольствіи и пользѣ человѣкъ слышалъ голоса низшихъ себя и, какъ царь, просьбу рабовъ могъ исполнить и не исполнить,—здѣсь же онъ самъ стоитъ предъ лицемъ высшаго Судіи, безпристрастно и властно изрекающаго свой приговоръ. Приговору этого Судіи человѣкъ можетъ послѣдовать и не послѣдовать, его воля не связана, но онъ сознаетъ, что долженъ, обязанъ послѣдовать, и будетъ чувствовать себя виноватымъ, если не послѣдуетъ. Требованій нравственнаго закона человѣкъ отмѣнить не въ силахъ: они имѣютъ для него силу *безусловно-обязательную*.

Обязательность нравственнаго закона, его безусловное значеніе и власть надъ нашей душой въ особенности очевидны, когда намъ приходится въ жизни сталкиваться съ какимъ-либо искреннимъ служителемъ идеи, съ какимъ-нибудь праведникомъ. Часто этотъ праведникъ намъ невыносимъ по манерѣ держать себя, по своему вѣнчному виду, часто мы не можемъ терпѣть его безцеремонныхъ обличеній и пр. При всемъ томъ мы не можемъ не уважать человѣка идеи. Когда пройдетъ пыль уязвленного самолюбія, совѣсть наша заговорить и представить намъ святого человѣка въ его истинномъ свѣтѣ,— мы мысленно предъ нимъ преклонимся. Внутренняго голоса души своей мы, можетъ быть, не всегда послушаемся, но добродѣтели нами будуть сдѣлана вѣрная оценка, правду и величие ея мы все же почувствуемъ.

Эту мысль о безусловной цѣнности добродѣтели, о томъ, что она дорога человѣку сама по себѣ и никакой вѣнчной оболочкой ее нельзя унизить или обезцѣнить, выразилъ между прочимъ гр. Л. Н. Толстой въ его известномъ произведеніи «Власть тымы», именно въ лицѣ мужика Акима. По вѣнчности это — самый комичный, почти карикатурный типъ во всемъ произведеніи, и въ тоже время онъ воплощаетъ въ себѣ самую высшую идею, самое ясное сознаніе нравственнаго закона, совѣсть. Нѣкоторые критики поставлены были, помнится, въ крайнее недоумѣніе и особенно не могли себѣ представить, какъ будетъ исполнена роль Акима на сценѣ: какъ, исполняя въ точности всѣ эти «тае», можно уберечь этотъ высшій типъ отъ его неизбѣжнаго комизма. Нѣкоторые исполнители, судя по отзывамъ, дѣйствительно и напрягали

всѣ свои усилія къ тому, чтобы Акимъ только проповѣдовъ-  
далъ и не смѣшилъ. А между тѣмъ замыселъ Л. Н. въ томъ  
кажется и состоитъ, чтобы представить истинную добродѣтель  
въ видѣ смѣшномъ, чтобы человѣкъ надѣ добродѣтелью по-  
смѣялся. Потомъ, когда человѣкъ успокоится отъ своего смѣха,  
онъ сознаетъ, что правда все-таки на сторонѣ смѣшного  
Акима, а сознавши это, онъ и придетъ къ мысли, что не въ  
томъ, что знатно, почетно, не въ богатствѣ, славѣ и доволь-  
ствѣ, даже не въ видимой культурности — истина и правда,  
и не въ этомъ истинное достоинство и призваніе человѣка,  
что человѣкъ великъ только тогда, когда живеть по совѣсти,  
когда исполняеть велѣнія нравственного закона: добродѣтель  
сама по себѣ имѣть вѣчное значеніе и выше всего. Не согла-  
шаясь съ гр. Толстымъ въ самомъ главномъ, въ самомъ «упова-  
ніи», мы не можемъ не отдать ему справедливости въ данномъ  
случаѣ: въ этомъ замыслѣ, дѣйствительно, сказался художе-  
ственный геній писателя. Это — та мысль, которую выражаетъ  
апостолъ, говоря, что Богъ избралъ неразумныхъ, незнаныхъ  
мира сего, чтобы посрамить премудрыхъ и знатныхъ. Мы такъ  
привыкли жить по расчету, для своей пользы и удоволь-  
ствія, что и представить себѣ не можемъ иного смысла  
жизни, иныхъ задачъ для дѣятельности. Самую добродѣтель  
готовы цѣнить и уважать только до тѣхъ поръ, пока она  
相伴ождается благими послѣствіями, пока она находится  
въ почетѣ. Давая человѣку случай поразмыслить надѣ Аки-  
момъ, гр. Толстой и хочетъ напомнить человѣку, гдѣ по-  
длинное благо и подлинный смыслъ жизни.

Ту же мысль о безусловной цѣнности добродѣтели, о томъ,  
что человѣкъ предъ ней преклонится въ душѣ, хотя и не  
пойдетъ за нею, хотя даже будетъ смѣяться надѣ ней, по-  
стоянно проповѣдовъ въ своихъ произведеніяхъ Достоев-  
скій, — только онъ выражалъ ее еще болѣе прямо и ясно.  
Напр., возьмемъ его романъ «Братья Карамазовы», въ част-  
ности въ этомъ романѣ разскѣзъ старца Зосимы <sup>1)</sup>.

Молодой офицеръ завелъссору съ своимъ соперникомъ.  
На завтра назначены ихъ поединокъ. Все это весьма обыкно-  
венно въ офицерскомъ быту и никто изъ нихъ не видѣтъ въ  
томъ ничего предосудительного. Но съ этимъ офицеромъ «тутъ  
случилось нѣчто какъ бы роковое»... «Съ вечера, разскѣзы-

<sup>1)</sup> По изд. Маркса 1895 г. т. XII; часть I.

ваетъ онъ, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего дѣньщика Аѳанасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что окровянилъ ему лицо. Служилъ онъ у меня уже давно и случалось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже начинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлось, подошелъ ко окну, отворилъ, — отпиралось у меня въ садъ, вижу восходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что же это, думаю, ощущаю я въ душѣ моей какъ бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ даже не то... И вдругъ сейчасъ же и догадался въ чёмъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аѳанасія». Молодой офицеръ становится на судъ своей совѣсти и выслушиваетъ ея неумолимый приговоръ. «Все мнѣ вдругъ снова представилось, точно вновь повторилось: стоять онъ предо мной, а я бью его съ размаху, прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять чтобы заслониться, не смѣеть,—и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острыя прошла мнѣ всю душу насѣквоздь. Стою я какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтить, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалять... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ». Почувствовавъ всю свою виновность въ этомъ и падши ницъ предъ властными обличеніями своей совѣсти, офицеръ начинаетъ размышлять далѣе и постепенно приходитъ къ заключенію, что вся его жизнь идетъ не такъ, не то поставлено въ ней цѣлью и закономъ, что въ частности и самый его поединокъ есть преступленіе. «И представилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи своемъ: что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка доброго, умнаго, благороднаго, ни въ чёмъ предо мною неповиннаго, а супругу его тѣмъ на вѣки счастья лишу, измучаю и убью». Познавъ правду, онъ и рѣшается по ней поступить. Утромъ пришелъ за нимъ его секундантъ. Они вмѣстѣ пошли садиться

въ коляску. «Погоди здѣсь время, говорю ему,—я въ одинъ мигъ сбѣгаю, кошелекъ забылъ». И вѣжаль одинъ въ квартиру обратно, прямо въ каморку къ Аѳанасію: Аѳанасій, говорю,— я вчера тебя ударилъ два раза по лицу, прости ты меня, говорю. Онъ такъ и вздрогнулъ, точно испугался, глядить,—и вижу я, что этого мало, мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ ноги, лбомъ до земли: Прости меня говорю. Тутъ ужъ онъ и совсѣмъ обомлѣлъ. Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да какъ вы... да стою ли я... и заплакалъ вдругъ самъ, точно какъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ окну и весь отъ слезъ такъ и затрясся». Поклонъ этотъ, такъ необычный, почти преступный по офицерскимъ понятіямъ, вышелъ у него совершенно неожиданно: онъ непосредственно увидаль, понялъ, что долженъ поклониться своему деньгищику и попросить у него прощенія. А сдѣлавъ поклонъ, онъ сразу почувствовалъ, что сталъ на вѣрный путь, и все его существо возликовало отъ этого ощущенія. «Влетѣлъ я въ коляску, «вези», кричу. Видаль, кричу побѣдителя,—вотъ онъ предъ тобою». Восторгъ во мнѣтакой, смѣясь всю дорогу, говорю, говорю не помню ужъ, что и говорилъ». Съ такимъ же восторгомъ совершаешь онъ и слѣдующій свой подвигъ: выдержавъ выстрѣль своего противника, онъ весело бросиль свой револьверъ въ лѣсъ и просилъ прощенія за прежнее. На возраженія секундантовъ и соперника, онъ говоритъ восторженную рѣчь, повторяя имъ все, чмому научила его за эту ночь проснувшаяся совѣсть. «Хотѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ даже у меня захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ такое счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь».

Большаго восторга предъ добродѣтелью и большаго довольства отъ сознанія, что сталъ на истинный путь, едва ли можно ожидать. Исполнивъ величіе своей совѣсти и рѣшившись отсель всегда ей одной служить, человѣкъ испытываетъ «счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь». Добродѣтель для его сознанія выше всего и блаженнѣе всего. И въ тоже время, на оборотъ слѣдующаго же листа (стр. 259) мы читаемъ: «Аѳанасія, въ тотъ же день, какъ съ поединка воротился, я обратно въ роту препроводилъ, ибо стыдно было въ глаза ему глядѣть послѣ давешняго моего съ нимъ поступка,—до того наклоненъ стыдиться неприготовленный мір-

ской человѣкъ даже иного справедливѣйшаго своего дѣла». Съ одной стороны у него духъ захватываетъ отъ счастья, что рѣшился жить по совѣсти, а съ другой, онъ отъ стыда не можетъ глазъ поднять, что поступилъ по совѣсти. А между тѣмъ поступокъ его не былъ какой-то мимолетной вспышкой, отъ которой въ душѣ не остается ничего, кроме стыда за нее: это было первымъ началомъ его безповоротнаго рѣшенія идти новымъ путемъ. Онъ, слѣдовательно поклонился предъ добродѣтелью, не смотря на то, что все еще стоялъ на своей прежней точкѣ зрењія, все еще видѣлъ въ ней нѣчто неприличное и унизительное.

Такое же раздвоенное отношеніе встрѣтило его поступокъ и въ другихъ людяхъ. «Благоразумно все это и благочестиво, насмѣшливо отвѣчаетъ на его восторженную рѣчь его противникъ,—и во всякомъ случаѣ, человѣкъ вы оригиналъ». Въ этихъ словахъ не осужденіе поступка, въ нихъ звучитъ все тотъ же древній, насмѣшившій и въ тоже время проникнутый скорбью вопросъ разочарованнаго Пилата: что есть истина? Самъ искатель истины остается для него чистымъ и святымъ, только не намъ-де достигнуть этой истины. Такъ и здѣсь: насмѣшка означаетъ не отрицаніе святости самого поступка, а только то, что самъ насмѣшникъ не рѣшается поступить также, что при существующихъ условіяхъ жизни, онъ не надѣется на возможность жить по совѣсти; офицеръ для него—мечтатель, хотя искренній и заслуживающей любви. «Смѣйтесь, смѣюсь и я ему,—а потомъ сами похвалите.—Да я готовъ и теперь, говорить, похвалить,—извольте, я протяну вамъ руку, потому, кажется, вы дѣйствительно искренній человѣкъ».

Также отнеслись къ поступку и товарищи: они совершенно не могли его переварить. «Попросилъ на барьерѣ прощенія!.. Мундиръ замаралъ, пусть въ отставку подаетъ». И въ тоже время никто не могъ обвинить его въ чемъ-нибудь, дѣйствительно, позорномъ, напр., въ трусости и т. п. Всѣ понимали, что «тутъ что-то другое вышло, оригиналъ», только назвать это оригиналъ его собственнымъ именемъ они не рѣшались: ужъ слишкомъ оно шло въ разрѣзъ со всѣми ихъ ходячими понятіями, слишкомъ уже было неприлично и смѣшно, чтобы открыто предъ нимъ преклониться и признать его пріемъромъ для всѣхъ. Поэтому, стоило только молодому офицеру объявить своимъ товарищамъ, что онъ уже подалъ въ от-

ставку, потому что идетъ въ монахи, какъ сразу же картины мѣняется. «Какъ только я это сказалъ, расхохотались всѣ до единаго. Да ты бъ съ самаго начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя»... Убрано препятствіе, мѣшавшее каждому говорить по совѣсти: смѣшно поступившій товарищъ болѣе не офицеръ, къ нему можно офицерскую мѣрку не прилагать, теперь каждый можетъ къ нему относиться, какъ къ человѣку вообще. Всѣ и хвалять его поступокъ, потому что совѣсть каждого не можетъ этого поступка не одобрить. «Всѣ смѣются, не унимаются, да и не насмѣшило вовсе, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ всѣ, даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣсяцъ, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня носятъ: «ахъ ты, монахъ», говорять. И всякий-то мнѣ ласковое слово скажетъ, отговаривая начали, жалѣть даже: «что ты надъ собой дѣлаешь?»— «Нѣть, говорять, онъ у насъ храбрый, онъ выстрѣль выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить могъ, а это ему сонъ наканунѣ приснился, чтобы онъ въ монахи шелъ, вотъ онъ отчего». Точно то же почти произошло и въ городскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали меня, а только принимали съ радушіемъ, а теперь всѣ вдругъ наперерывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной, а меня же любятъ»... Наконецъ, на одномъ изъ собраній высказывается главная мысль всего этого разсказа. «Гдѣ вамъ это и познать», говорить своимъ собесѣдникамъ молодой офицеръ, «когда весь міръ давно уже на другую дорогу вышелъ, когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ другихъ такой же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ да и поступилъ искренно, и что же, сталъ для всѣхъ васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, я, говорю, — смѣетесь». — «Да какъ васъ такого не любить? смѣется мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у нея было много-людное». Вдругъ подошла къ нему та самая особа, изъ-за которой вышелъ поединокъ. «Протянула руку: «позвольте, говорить, изъяснить вамъ, что я первая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со слезами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за тогдашній поступокъ вашъ». Подошелъ тутъ и мужъ ея, а затѣмъ вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не пѣлюютъ». Поступающій по совѣсти человѣкъ кажется всѣмъ какимъ-то юродивымъ, а между

тѣмъ, «какъ его такого не любить», какъ не умиляться въ душѣ предъ его поведеніемъ? Человѣкъ и самъ радъ бы такъ поступать, если бы не было это такъ трудно, если бы не мѣшала обстановка, среда, которая связываетъ ему руки и волю.

Способность непосредственно понимать все величие добродѣтели, ея безусловную цѣнность человѣкъ не теряетъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ своего паденія и въ самомъ разгарѣ страстей. Какъ часто одинъ видъ невиннаго, безгрѣшнаго дитяти останавливаетъ преступную руку, одна встрѣча съ нимъ служитъ началомъ поворота всей жизни человѣка. Часто примѣръ искренней доброты, нелицемѣрной христіанственности, такъ поражаетъ злодѣя, что онъ рѣшаеть покаяться и потомъ живеть по новому. Бездомный бродяга, каторжникъ, отовсюду прогнанный, всѣми избѣгаемый, приходитъ позднимъ вечеромъ въ скромное жилище бѣднаго епископа. Цинично заявляетъ, что онъ бродяга, но не смотря на это заявленіе, получаетъ кровь и noctlegъ. Эта чистая христіанская довѣрчивость къ нему—бродягѣ и каторжнику, очевидно, показалась ему сантиментальной, смѣшной, а можетъ быть, неискренней: онъ отвѣчаетъ на нее тѣмъ, что утромъ уходя воруетъ серебряные подсвѣчники епископа. Посмотримъ-де, какъ ваша неглубокая, дѣланная сантиментальность разъярится на эту мою неблагодарность (преступникъ вѣрить въ достоинство добродѣтели, но не думаетъ, чтобы можно ее исполнять, чтобы на самомъ дѣлѣ нашелся человѣкъ, который бы искренно и неизмѣнно ей служилъ). Скоро его поймала полиція и привела къ тому же епископу. Бродяга, вѣроятно, со злорадствомъ приготовился посмотретьть, сохранить ли теперь свою кротость смиренный епископъ. И вдругъ, вмѣсто ожидаемыхъ обличеній, епископъ дѣлаетъ видъ, что онъ самъ подарилъ свои подсвѣчники бродягѣ, и велитъ экономкѣ принести ему и остальные, незахваченные имъ вчера... Полиція отпускаетъ бродягу на свободу. Теперь бродяга видѣть, что епископъ не на словахъ только, не для виду, а на самомъ дѣлѣ, живеть добродѣтельно. Это открытие такъ поражаетъ каторжника, что онъ и самъ рѣшаеть быть добродѣтельнымъ, и всю свою жизнь посвящаетъ на служеніе ближнимъ, а потомъ добровольно отдаетъ себя въ руки правосудія. До тѣхъ поръ онъ думалъ, что добродѣтель вещь недурная, что совѣсть говорить всегда о святыхъ вещахъ, но никогда не вѣрилъ, чтобы все это было такъ и на дѣлѣ, все это ему

представлялось лишь сладкими словами, лишь праздными мечтаниями. Теперь же видеть, что такая жизнь не мечта, а действительность, что следовательно, и для него она возможна. Теперь онъ довѣрчиво отдается внутреннему голосу своего сердца, прислушивается къ нему, вѣрить въ него и порываеть съ прежнимъ («Отверженный» Виктора Гюго).

Въ другой повѣсти русской, далеко не такъ, можетъ быть, общеизвѣстной (я не берусь судить о ея достоинствахъ, только беру изъ нея наиболѣе подходящее для моей цѣли<sup>1)</sup>), разсказывается о другомъ подобномъ же бродягѣ - каторжникѣ, уже старику. «Этотъ старику былъ бѣглымъ изъ Сибири. Кто онъ былъ, какъ его имя, — никто не зналъ. Знали только прозвище (Клейменый-каторжный), да еще то, что этотъ человѣкъ несъ на душѣ тягость многихъ преступленій»... Ни для кого онъ не былъ желаннымъ гостемъ и, если его терпѣли и не доносили властямъ, то только изъ боязни, что онъ потомъ отомстить.

Этотъ страшный для всѣхъ человѣкъ однажды былъ свидѣтелемъ действительно доброго дѣла. Молодой священникъ, только что посвященный, ходилъ къ своей церкви и на пути встрѣтилъ лежащаго, мертвѣцки пьяного человѣка. Кучеръ хотѣлъ отстегать его кнутомъ, но священнику жаль стало этого человѣка, валяющагося посреди дороги. Онъ захотѣлъ ему помочь, хотя бы прибрать куда-нибудь. Собralась толпа. «Православные, — заговорилъ священникъ, — помогите же ему... Вѣдь, это же братъ вашъ, не оставьте его!.. Въ толпѣ только пожалились, но попрежнему остались безучастны... Раздался даже сдержанній смѣхъ. — Всѣхъ ихъ тутъ пьяница не пережалѣшь, послышалось чье-то замѣчаніе, — никто ему велѣлъ такъ напиваться... Напился такъ пустъ и валяется, какъ свинья»... Видя, что никто не трогается, священникъ рѣшилъ самъ положить пьяного въ свою тележку и отвести до его избы. «Онъ охватилъ пьяного руками подъ мышки и постарался поднять его. Мужикъ былъ очень тяжелъ и сразу отъ непомѣрнаго усилія на лбу молодого священника выступилъ потъ... Ему удалось приподнять до половины тѣло пьяного, но тѣлега была высока»... Для праздной толпы получилась сцена полная комизма, не менѣе комич-

<sup>1)</sup> «Вѣрнымъ путемъ» Красницкаго. Книжки «Русск. Паломника». Январь 1900 г.

ная, чѣмъ самъ толстовскій Акимъ. Милосердіе самарянина на этотъ разъ предстало предъ взоры людскіе въ самомъ не-привлекательномъ, въ самомъ неприличномъ, смѣшномъ видѣ. Но это было то же милосердіе, то же служеніе высшей правды, оно и нашло себѣ откликъ въ душѣ каторжника. Растолкалъ толпу, онъ взвалилъ пьяного на плечо и быстро зашагалъ съ нимъ по деревенской улицѣ (120—122). Другая встреча священника съ каторжникомъ произошла немнogo спустя въ полѣ: каторжникъ попросилъ у него благословенія. Священникъ отказалъ наотрѣзъ, посовѣтовавъ ему прежде покаяться. Это привело каторжника въ бѣшенство, жизнь священника повидимому была въ опасности, но кончилось дѣло тѣмъ, что каторжникъ круто повернулся и ушелъ. Въ повѣсти потомъ разсказывается, какъ каторжникъ нѣсколько разъ совершалъ для священника прямо подвиги и все просилъ благословенія. Наконецъ, онъ пришелъ къ священнику на исповѣдь, покаялся, пріобщился и потомъ спокойно предалъ себя въ руки правосудія.—Этотъ загрубѣлый преступникъ, въ смѣшной и унизительной сценѣ, разсмотрѣлъ истинно доброе дѣло, подвигъ искренняго служенія правды, почувствовалъ душей всю высоту такой жизни и преклонился предъ ней (потому и проситъ благословенія отъ слабосильнаго и, съ жизнью точкой зреїнія, нѣсколько смѣшного чудака-священника, потому покорно и сносить его отказы). Но разъ ему открылся уголокъ вѣчнаго рая, онъ не могъ не потянуться къ нему, и такъ пришелъ ко спасенію.

Высшая правда и святость добродѣтельной жизни, слѣдовательно, одинаково чувствуются людьми и одинаково для нихъ привлекательны, въ какой бы формѣ ни представила добродѣтель и на какой ступени паденія ни находился бы человѣкъ. Такъ царскій указъ остается всегда царскимъ указомъ, принесеть ли его какой-нибудь вѣльможа или невзрачный нищій, и слово его одинаково повелительно, обращено ли оно къ простому мужику или къ знатному боярину.

## II. Происхожденіе нравственнаго закона.

Итакъ въ нашей душѣ мы ощущаемъ присутствіе нѣкотораго высшаго закона, вѣльнія котораго мы признаемъ безусловно справедливыми и для себя обязательными. Откуда у насъ этотъ законъ?

На этотъ вопросъ существуетъ три отвѣта.

Прежде всего можно сказать, что законъ этотъ имѣть

совершенно естественное происхождение, что его придумали сами люди по мѣрѣ накопленія житейского опыта. Сначала каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, никакихъ укоровъ совѣсти за это онъ не чувствовалъ, все тогда было справедливо и позво-лительно. Но вотъ люди сошлись въ общества, стали жить вмѣстѣ. Тогда дѣлать, что каждому угодно, стало крайне не-удобно, съ желаніемъ каждого встрѣчались желанія другихъ. Нельзя было каждому взять, что угодно, потому что многое изъ этого уже принадлежало другимъ. Не всегда можно было предаваться гнѣву и отмщать обиды, потому что и это на-рушало интересы другихъ и т. п. За каждымъ проявленіемъ личного произвола и самочинія тотчасъ же слѣдовало винов-нику наказаніе. Онъ воочію видѣлъ, что поступать, какъ ему хочется, не всегда можно, что существуетъ граница, дальше которой онъ своими желаніями идти не можетъ. Явилось по-нятіе нѣкотораго закона, связующаго волю человѣка въ извѣст-ныхъ предѣлахъ. Составился цѣлый кругъ правилъ жизни и поведенія, которые съ ходомъ исторической жизни все умно-жались. Древность придала имъ, наконецъ, силу непрелож-наго закона. Происхожденіе нравственнаго закона, такимъ образомъ, немногимъ отличается отъ происхожденія обычныхъ нашихъ житейскихъ приличій.

Но такое объясненіе было бы очевидно недостаточно. Какъ бы ни велика была сила приличій (а для нѣкоторыхъ малодушныхъ людей она иногда сильнѣе требованій самой совѣсти), она никогда не сравняется съ тѣмъ ореоломъ не-преложности, святости, какимъ въ нашемъ сознаніи окру-жены повелѣнія закона нравственнаго. Да это и понятно. Стоить только человѣку выйти изъ своей привычной обста-новки, стоитъ познакомиться съ жизнью другихъ обществъ и народовъ, и онъ тотчасъ же увидить всю условность своего кодекса приличій: обычай, напр., китайца и европейца отличны между собой почти, какъ небо отъ земли, а между тѣмъ каж-дый изъ нихъ считаетъ свои приличія единственными разум-ными и возможными. Но спросите того же китайца, можно ли воровать? Можно ли убивать людей? Похвально ли гово-рить ложь? И вы услышите отъ него тотъ же отвѣтъ, что и отъ европейца. Въ основныхъ требованіяхъ нравственнаго за-кона согласятся между собой всѣ люди. Если нѣкоторые изъ нихъ на дѣлѣ бы и не имѣли нѣкоторыхъ правиль, то они немедленно признали бы ихъ, когда имъ ихъ объяснятъ. Въ

этомъ случаѣ у всѣхъ людей земного шара есть общая почва, на которой они могутъ сойтись и понимать другъ друга. Тогда какъ, сколько ни объясняйте китайцу, что привѣтствовать человѣка нужно пожатіемъ его руки, что предъ старшими нужно стоять, а не сидѣть, онъ никогда не пойметъ, почему такъ нужно, чѣмъ это лучше его китайскихъ обычаевъ, столь солидныхъ и осмысленныхъ. Правда есть исключенія и для нравственного закона, есть люди какъ бы съ утраченной совѣстью, но эти исключенія не уничтожаютъ правила. Никто не сталъ бы отрицать всеобщности законовъ, напр., музыки на томъ основаніи, что есть люди совершенно ихъ не понимающіе.

Другой отвѣтъ на поставленный нами вопросъ тотъ, что нравственный законъ данъ отъ Бога. Этотъ отвѣтъ и правиленъ и неправиленъ. Неправиленъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ думать, что Богъ даровалъ людямъ этотъ законъ со мнѣ въ какой-нибудь опредѣленный моментъ, какъ онъ далъ законъ, напр., Моисею: сначала люди жили по своей волѣ, а потомъ Богъ научилъ ихъ, что дѣлать зло не хорошо, что не нужно воровать, убивать и пр. Нельзя такъ думать просто потому, что нельзя себѣ представить, какъ люди могли понять этотъ неожиданно имъ данный законъ, и не только понять, но и на вѣки признать его безусловно обязательнымъ и единственно возможнымъ закономъ своего бытія. Хорошимъ пѣвцомъ или музыкантомъ нельзя сдѣлаться безъ тщательнаго обученія, но, при всемъ стараніи, нельзя научить пѣнію совершенно глухого человѣка или живописи—слѣпого. Необходимо, чтобы человѣкъ имѣлъ способность къ извѣстному дѣлу. Точно также нельзя внушить человѣку и нравственного закона, если у человѣка нѣтъ способности къ его воспріятію, если онъ по самой природѣ своей не расположенъ принимать повелѣній этого закона.

Правильнымъ объясненіемъ происхожденія нравственного закона будетъ только то, которое дается намъ въ Св. Писаніи. Тамъ говорится. «Не нужно всходить на небо, чтобы Христа свести», и научиться отъ Него понимать добро и зло, «не нужно сходить и подъ землю», потому что «близъ тебя, внутри, въ сердцѣ твоемъ это слово», этотъ законъ. Нужно только прислушаться къ голосу своей совѣсти, быть болѣе внимательнымъ къ своей внутренней жизни, и человѣкъ различить въ себѣ законъ, повелѣвающій творить добро и избѣгать зла. Тогда и вѣшній, писанный законъ, данный въ Св.

Писаніи, перестанеть быть внѣшнимъ и постороннимъ: онъ лишь напоминаетъ и подробнѣе раскрываетъ человѣку то, чего требуетъ отъ послѣдняго и собственное его сердце. Это и значитъ, что человѣкъ созданъ по образу Божию и по подобію. Другими словами, человѣкъ созданъ сроднымъ, родственнымъ Богу. Естественно, поэтому, его природѣ жить по тому закону, который является и закономъ жизни Божественной. Тѣло человѣка, какъ сродное веществу, подчиняется законамъ вещества и не можетъ не страдать, когда съ нимъ обращаются вопреки этимъ законамъ. Точно также и духъ человѣка, по природѣ Богоподобный, только тогда и живеть своею настоящею жизнью, когда онъ дѣйствуетъ по законамъ жизни Божіей. Отсюда и понятно, почему духъ человѣческій со-услаждается закону Божію, почему послѣдній для него представляется единственно возможнымъ, безусловно справедливымъ и для всѣхъ обязательнымъ правиломъ, почему добродѣтель всегда свята въ мысленныхъ очахъ человѣка, почему, наконецъ, человѣкъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ нравственнаго паденія не теряетъ способности понять ее и предъ нею преклониться.

### III. Выводы: о спасеніи во Христѣ и законѣ царства Божія.

Написанный на сердцахъ нашихъ законъ, слѣдовательно, несомнѣнно Божественного происхожденія, и потому-то его повелѣнія вѣчны и непреложны, какъ вѣчно и неизмѣнно само Божество. Но, съ другой стороны, этотъ законъ прирожденъ намъ съ самаго творенія, составляетъ неотъемлемую принадлежность самой человѣческой природы. Эти два положенія даютъ намъ возможность объяснить весьма многое и весьма существенное въ нашей духовной жизни.

Если человѣкъ нарушилъ законъ, согрѣшилъ, онъ переживаетъ мученія совѣсти. Гдѣ и въ чемъ ему искать спасенія? Какъ очистить свою совѣсть? Первое, что хотѣль бы сдѣлать человѣкъ въ этомъ случаѣ, это—какъ-нибудь исправить нарушенное. Когда человѣкъ терпитъ что-нибудь непріятное, онъ спѣшишь чѣмъ-нибудь эту непріятность загладить: отъ непріятныхъ впечатлѣній ищутъ развлеченія въ музыкѣ, въ прогулкѣ по красивой мѣстности и т. п., непріятный, горкій вкусъ лѣкарства прогоняютъ сахаромъ. Обычно цѣль вполнѣ достигается: непріятное впечатлѣніе пропадаетъ и уже болѣе не мучитъ человѣка. Наконецъ, самое время залѣчи-

ваетъ всякое горе, всякую непріятность. Когда человѣкъ терпить какой-нибудь уронъ, вредъ или самъ наносить кому-нибудь ущербъ, и въ этомъ случаѣ потеря вознаграждается, отъ понесенного или причиненного ущерба не остается слѣда. Не то бываетъ, когда человѣкъ нарушаетъ повелѣніе нравственного закона, когда онъ грѣшитъ противъ своей совѣсти. Человѣкъ можетъ, конечно, заглушить голосъ своей совѣсти, предавшись безумному служенію страстямъ, можетъ отвлечь свое вниманіе къ предметамъ постороннимъ, заняться какимъ-нибудь дѣломъ и пр., но все это только на время, только до извѣстного момента, а потомъ опять-таки проснется совѣсть, и снова раскроются его душевныя раны, и снова зазвучить въ его сознаніи неумолимый укоръ за давнее преступленіе. Тутъ и время не помогаетъ: раскрывшаяся душевная рана также свѣжа и мучительна, даже еще болѣе, чѣмъ прежде. Пытается человѣкъ чѣмъ-нибудь успокоить совѣсть, пытается чѣмъ-нибудь вознаградить свое преступленіе, совершаеть добрыя дѣла, иногда прямо подвиги самоотверженія, и все это для того, чтобы заслужить у своей совѣсти прощеніе. Но прощенія этого нѣтъ ему. «Хоть ты и подвижникъ, хоть ты и герой, хоть ты приносишь великую пользу человѣчеству или церкви, но ты все-таки преступникъ, на твоей душѣ лежитъ бремя, въ твоемъ сердцѣ—глубокая язва; не видать ее люди, но тѣмъ видѣе она для Бога, отъ Котораго ничто скрыться не можетъ».

Прекрасно изображено это неумолимое правосудіе человѣческой совѣсти у того же Достоевскаго и все въ томъ же разсказѣ старца Зосимы, именно въ лицѣ таинственнаго гостя (стр. 362—372). «Былъ онъ, повѣствуетъ старецъ Зосима, въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно, мѣсто занималъ видное, человѣкъ былъ уважаемый всѣми, богатый, славился благотворительностью, пожертвовалъ значительный капиталъ на богоадѣльню и на сиротскій домъ, и много кромѣ того дѣлалъ благотвореній тайно, безъ огласки, что все потомъ, послѣ его смерти и обнаружилось. Лѣть былъ около пятидесяти, и видѣ имѣлъ почти строгій, былъ малорѣчивъ; женатъ же былъ не болѣе десяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣлъ трехъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой день сижу у себя дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входить ко мнѣ этотъ самый господинъ». И вотъ этотъ почтенный, всѣми уважаемый человѣкъ, послѣ долгихъ колебаній и бесѣдъ съ о. Зосимой, тогда молодымъ

офицеромъ (о немъ мы говорили раньше), повѣдалъ ему, что имъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ совершено великое преступленіе. Хотѣлъ онъ тогда жениться на любимой имъ богатой вдовѣ, но получилъ отказъ, а потомъ узнаетъ, что эта вдова выходитъ замужъ за другого человѣка. Не стерпѣвъ этого, онъ искусно задумываетъ ее убить, что ему и удастся. Въ глухую ночь, когда беспечная прислуга куда-то отлучилась, проникъ онъ въ домъ и убилъ вдову, никѣмъ рѣшительно не замѣченный, а для отвода глазъ захватилъ нѣкоторые предметы, съ умысломъ не самые дорогие, а болѣе бросающіеся въ глаза (чтобы отклонить подозрѣніе на слугу). Полиція, дѣйствительно и схватила крѣпостного слугу, противъ кото-раго оказались всѣ улики: его хотѣла барыня сдать въ сол-даты и онъ про это зналъ, потомъ во время слѣдствія онъ безпросыпу кутиль и пр. «Арестовали его, начали судъ, но какъ разъ чрезъ недѣлю арестованный заболѣлъ въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣло и коячилось, предали волѣ Божіей, и всѣ, и судьи, и начальство, и все общество, остались убѣждены, что совершилъ преступленіе никто какъ умершій слуга. А за симъ, прибавляется старецъ, началось наказаніе», и потомъ въ замѣчательномъ разсказѣ передаетъ, какъ преступникъ старался заглушить обличенія совѣсти, какъ онъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь вознаградить, заслу-жить свой грѣхъ, чтобы только въ немъ не каяться.

«Въ началѣ онъ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями совѣсти. Мучился долго, но не тѣмъ, а лишь сожалѣніемъ, что убилъ любимую женщину, что ея нѣтъ уже болѣе, что, убивъ ее, убилъ любовь свою, тогда какъ огонь страсти оста-вался въ крови его. Но о пролитой неповинной крови, объ убийствѣ человѣка онъ почти тогда и не мыслилъ. Мысли же о томъ, что жертва его могла стать супругой другому, каза-лась ему невозможна, а потому долгое время убѣженіе было въ совѣсти своей, что и не могъ поступить иначе. Томилъ его нѣсколько вначалѣ арестъ слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть арестанта, успокоили его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (разсуждалъ онъ тогда), не отъ ареста или испуга, а отъ простудной болѣзни, пріобрѣтен-ной именно въ дни его бѣговъ, когда онъ, мертвопьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденія же вещи и деньги мало смущали его, ибо (все также разсуждалъ онъ) сдѣлана кража не для корысти, а для отвода подозрѣній въ

другую сторону. Сумма же краденаго была незначительная, и онъ въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо большую, пожертвовалъ на учредившуюся у нась въ городѣ богадѣльню. *Нарочно сдѣлалъ сіе для успокоенія совѣсти насчетъ кражи и, замѣчательно, на время, и даже долгое, дѣйствительно успокоился,—самъ передавалъ это мнѣ. Пустился онъ тогда въ большую служебную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое и трудное порученіе, занимавшее его года два и будучи характера сильнаго, почти забывалъ прошедшее, когда же вспоминалъ, то старался не думать о немъ вовсе. Пустился и въ благотворительность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ городѣ, заявилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ. Но все жесталъ, наконецъ, задумываться съ мученіемъ, не въ подъемъ своимъ силамъ. Гуть понравилась ему одна прекрасная и благоразумная девица, и онъ въ скорости женился на ней, мечтая, что женитѣбой прогонитъ уединенную тоску свою, а вступивъ на новую дорогу и исполняя ревностно долгу своей относительно жены и дѣтей, удалится отъ старыхъ воспоминаній вовсе. Но какъ разъ случилось противное сему ожиданію». Любовь жены смущала его, видѣть дѣтей только еще больше тревожилъ его душевную рану. «Я не могу смотрѣть на ихъ невинные, ясные лики; не достоинъ того». Наконецъ, начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погубленная молодая жизнь ея, кровь, волющаая обѣ отмщеніи. Сталъ онъ видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ муку долго. «Искуплю все сено тайною мукой моей». Но напрасная была и сія надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становилось страданіе. Въ обществѣ за благотворительную дѣятельность стали его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго характера его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ становилось ему невыносимѣе. Признавался мнѣ, что думалъ было убить себя. Но вместо того начала ему мерещиться иная мечта,—мечта, которую считалъ онъ вначалѣ невозможною и безумною, но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его сердцу, что и оторвать нельзя было». Въ его сознаніи, наконецъ, назрѣваетъ самая главная мысль: совѣсть требовала отъ него не вознагражденія, не подвиговъ въ уплату за совершенный грѣхъ, а покаянія, т. е. обращенія за прошеніемъ къ Тому, Кто и далъ ему эту совѣсть.*

«Мечталъ онъ такъ: возстать, выйти предъ народомъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три проходилъ онъ съ этой мечтой, мерещилась она ему все въ разныхъ видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что *объявление преступленіе свое, излѣчитъ душу свою несомнѣнно и успокоится разъ навсегда*». Однако, подвигъ этотъ оказался труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, и онъ долго еще проколебался, пока рѣшимость молодого офицера пойти въ слѣдъ за голосомъ совѣсти, вопреки общественному мнѣнію, не ободрила и этого человѣка. Онъ потомъ публично исповѣдалъ свое преступленіе и, вскорѣ захворавъ, скончался въ блаженномъ покой души.

Въ этомъ разсказѣ описаны почти всѣ перипетіи этой тяжкой, внутренней борьбы человѣка со своей совѣстью. Онъ и благотворительностью занимается, хочетъ быть и хорошимъ семьяниномъ и отцемъ, старается весь уйти въ исполненіе своего гражданскаго долга, всячески старается совершить что-нибудь значительное, важное и полезное, и все это съ тою цѣлью, чтобы совѣсть, наконецъ, удовлетворилась, перестала его обличать за прошлое, которое давно забыто и сторицѣо имъ вознаграждено. Но все это напрасно: голосъ совѣсти отъ этого становится только яснѣе и яснѣе, приговоръ ея звучитъ все неумолимѣе. И въ заключеніе своего страднаго пути человѣкъ приходитъ къ вѣрѣ, что только, исповѣдавъ свой грѣхъ, онъ можетъ освободить свою душу отъ невыносимыхъ мученій, иначе говоря: только признавъ себя грѣшникомъ, т. е. представивъ себя суду Божію, человѣкъ обрѣтаетъ, наконецъ, желанный покой прощенія. Нарушеніе закона нравственнаго можетъ исправить и загладить только самъ Богъ-Виновникъ этого закона. Это та же мысль, что и у апостола, проповѣдавшаго, что человѣкъ спасается отъ тяготы грѣховной только вѣрою, а не дѣлами добрыми. Это не значитъ, что добрыя дѣла не нужны для спасенія, это значитъ, что человѣкъ, сознающій себя грѣшникомъ, не можетъ освободиться отъ упрековъ своей совѣсти, не достигнуть мира духовнаго самъ, своими силами, какія бы подвиги онъ ни совершилъ. Онъ долженъ обратиться къ Богу, и только Богъ можетъ освободить, утѣшить и успокоить его мятущуюся совѣсть. «Если Авраамъ дѣлами оправдался, то онъ имѣть похвалу, но не предъ Богомъ» (Рим. IV, 2). Въ глазахъ людей, и по ихъ понятіямъ, можно свои грѣхи покрыть по-дѣвгами, добрыми дѣлами, но предъ Богомъ, человѣкъ оста-

нется все тѣмъ же безответственнымъ грѣшникомъ, пока не обратится онъ къ Богу за прощеніемъ, пока не покается.

Эта мысль прекрасно выражается въ разсказѣ о клейменномъ-каторжникѣ, который я упоминалъ. Мы видѣли, что каторжникъ старался все заслужить чѣмъ-нибудь благословеніе священническое, въ чемъ для него выражалось тогда примиреніе съ Богомъ и своею совѣстью. Въ селѣ былъ пожаръ. Въ горѣвшей избѣ мать забыла ребенка. Никто не рѣшался спасти его, потому что приходилось идти почти на вѣрную смерть. Каторжникъ, неожиданно появившись, бросается въ огонь. Крыша у избы рушится, и всѣ невольно крестятся, думая о иогибели старика. Но вотъ «среди клубовъ дыма показалась гигантская фигура старого каторжника... Волосы на его головѣ тлѣли, лохмотья дымились, самъ онъ весь былъ покрытъ сажей», на рукахъ его лежалъ спасенный младенецъ. Зрѣлище было трогательное, потрясающее. «Самъ отецъ Константинъ смотрѣлъ съ восторгомъ на этого человѣка, казавшагося теперь ему героемъ»... Казалось бы наступило для каторжника сладкій мигъ прощенія. «Онъ подошелъ къ отцу Константину и, протягивая ему ребенка, чуть слышно произнесъ: «Благослови». Но о. Константинъ, взявъ отъ него дитя, громко отвѣтилъ: «благословляю младенца»... Съ этими словами онъ передалъ послѣ своего благословенія малютку плакавшей отъ радости матери, а самъ, обратившись къ старику произнесъ: «Тебѣ же спасибо великое»... Это почти буквальное повтореніе апостольскихъ словъ: «Авраамъ имѣеть похвалу, но не предъ Богомъ». Мы, люди, удивляемся тебѣ, готовы преклониться предъ тобою за твой великий подвигъ, но простить тебя, разрѣшить отъ узъ твоей совѣсти мы не можемъ. «Покайся, примирись съ Господомъ, и тогда да будетъ тебѣ мое пастырское благословеніе», отвѣтилъ каторжнику о. Константинъ. Господь дать намъ совѣсть, Господь одинъ и можетъ насть очистить отъ грѣха и освободить отъ угрызеній совѣсти, спасеніе наше только во Христѣ и со Христомъ.

Второй выводъ изъ всего сказанного о характерѣ нравственного закона касается отношеній нашихъ къ ближнимъ, въ особенности къ немощнымъ изъ нихъ и падшимъ.

Обычно мы охотно ведемъ знакомство и поддерживаемъ общеніе съ людьми хорошими, полезными и до тѣхъ поръ, пока они такими остаются. Учитель или воспитатель, также пастырь съ удовольствиемъ ведетъ свои уроки или вообще

трудится для своихъ учениковъ или пасомыхъ, когда съ ихъ стороны видить усердіе, когда они оказываются послушными и благовоспитанными. Но стоитъ нашему ближнему отвѣтить на наше участіе неблагодарностью, стоитъ ученику обнаружить неподатливость на внушеніе наставника или воспитателя, стоитъ паствѣ обмануть надежды легковѣрнаго пастыря, и, вмѣсто любви, ихъ постигнетъ отверженіе. Замѣтивъ въ человѣкѣ злое, мы не хотимъ видѣть его добра, произносимъ надъ нимъ обвинительный приговоръ и считаемъ себя въ правѣ болѣе не заниматься этимъ человѣкомъ. Мы думали, что онъ хорошъ, мы думали, что онъ пойметъ наше стараніе принести ему пользу, или по крайней мѣрѣ, отнесется къ намъ также любезно, какъ мы собирались къ нему отнестись, а онъ оказался не такимъ: его нужно, слѣдовало выбросить вонъ, какъ негодную вещь, предоставить самому себѣ. Вотъ противъ такого легкомысленнаго отношенія къ человѣской душѣ, противъ небреженія ближнимъ и необходимо помнить, какова эта душа, каковъ по своему внутреннему достоинству нашъ ближній.

Если Божественный вѣчный законъ вложенъ въ природу человѣка при самомъ твореніи его, если, слѣдовательно, человѣкъ по самой природѣ своей существо родственное Богу и царству Божію; то какъ бы низко онъ ни палъ, до какихъ глубинъ преступленія онъ бы ни спустился, все-таки образъ Божій въ немъ есть, печать безсмертія и вѣчной жизни въ немъ не изгладилась. Онъ, поэтому, попрежнему дорогъ и почтенъ въ очахъ Божіихъ, и такимъ долженъ быть и для всякаго любящаго Бога. Никакое преступленіе, никакая испорченность не можетъ оправдать небреженія человѣкомъ. Пусть совѣсть почти молчитъ въ его душѣ, пусть сознаніе добра и зла, мысль о Богѣ едва-едва теплится въ немъ, мерцаетъ едва замѣтной искоркой: но все же эта искорка не погасла; нужно бережно ее взять, нужно раздуть ее своею любовію и всепрощающимъ терпѣніемъ, и эта искорка вновь загорить вѣчнымъ пламенемъ, и человѣкъ будетъ спасенъ.

Самъ Христосъ служитъ примѣромъ такого отношенія къ человѣку. Какъ Богъ, Онъ бы могъ явиться предъ людьми во всемъ Его могуществѣ и величіи и потребовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, а за ослушаніе всѣхъ обречь на погибель. Но такое явленіе или привело бы людей въ трепетъ до того, что они потеряли бы способность владѣть

собой и свободно внимать гласу Божію, или же, напротивъ, еще болѣе бы озлобило ихъ и отвратило отъ Бога, а люди всѣ, каждый грѣшникъ, каждый богопротивникъ въ частности, близки и дороги Богу, какъ Его твореніе, для котораго Онъ отъ вѣчности готовилъ Свои блага. Поэтому Христосъ предпочелъ оставить Свое Божественное величіе, Свои царскія *права*, выражаясь по человѣчески, и явился во образъ человѣка, «въ образѣ раба», и, живя среди людей, какъ говорить пророкъ, онъ даже «льна курящагося не загасиль», даже «трости надломленной не сокрушиль». Стоитъ ли заботиться о какой-то искоркѣ въ кудели льна, когда есть, чѣмъ освѣтить комнату, есть, около чего согрѣться? Стоитъ ли бережно обходитьсь съ надломленной, уже никуда негодной тростью, когда есть прекрасныя, широковѣтвистыя деревья? А Христосъ и трости этой не забылъ, и льна курящагося не загасиль. Это значить: какъ бы ни было ничтожно добро въ человѣкѣ, какъ бы ни слабо въ немъ держалась искра Божія, она все-таки въ немъ есть, и ради нея можно все простить человѣку, всѣ его недостатки, всѣ шероховатости его характера, всю его подчасъ неблагодарность, чтобы только не загасить окончательно этой искры. Пока она не загасла, человѣкъ еще не погибъ окончательно,—и горе тому, по чьей винѣ она гаснетъ, кто своей требовательностью, неумѣньемъ пожертвовать излюбленными привычками, неумѣньемъ приспособиться къ немощамъ ближняго, погасить эту искру.

Поэтому-то и основной законъ царства Божія, такъ рѣшительно, такъ радикально отличается отъ закона жизни мірской. Въ послѣдней всѣ ищутъ своихъ правъ и только, когда эти права ихъ соблюдаются, согласны работать на общую пользу. А Христосъ говоритъ: «Цари господствуютъ надъ народами и владѣющіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: но большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга». Вотъ правило для нашихъ отношеній къ ближнему: относись къ нему такъ, какъ бы относился слуга къ своему господину. Слуга старается во всемъ угодить своему господину, заслужить его благоволеніе, каковъ бы этотъ господинъ ни былъ. Часто господинъ бываетъ несправедливъ къ своему слугѣ, часто онъ не замѣчаетъ и не оцѣниваетъ въ должной мѣрѣ его усердія; часто, вместо благодарности, слуга слышитъ упреки, иногда приходится ему исполнять безпричинные и безмысленные капризы своего господина. И все

это слуга сносить, потому именно, что помнить, что онъ слуга, что онъ долженъ служить господину. Когда господинъ въ чемъ-нибудь нуждается, тѣмъ болѣе, когда онъ болѣеть, слуга не будетъ отговариваться, что онъ и самъ теперь занять, что и ему нуженъ отдыхъ или что служить больному непріятно,—слуга встанетъ и ночью, чтобы отворить возвратившемуся господину. Такъ долженъ быть готовъ послужить своему ближнему и перенести отъ него все и каждый христіанинъ. Такъ поступилъ упомянутый прежде о. Константина, когда нашелъ пьяного человѣка, валявшагося въ пыли. Народъ проходилъ мимо, и никому не было дѣла до этого человѣка; слышались развѣ насмѣшки и укоры. Никому и въ голову не приходило, что этотъ, самъ себя до такой степени унизившій человѣкъ, все-таки, нашъ братъ и ближній, что ему, все-таки, лучше было бы лежать гдѣ-нибудь у себя дома. Слуга (если бы былъ слуга у этого человѣка) не прошелъ бы мимо его, не счѣлъ бы для себя унизительнымъ подойти и помочь ему. Такъ и о. Константина, не смотря на насмѣшки толпы и на комизмъ всей этой сцены, не постыдился подойти и послужить своему ближнему. Такъ и самарянинъ, упоминаемый въ прічтѣ, не счѣлъ неприличнымъ помочь еврею, избитому разбойниками, хотя для него еврей и былъ врагъ и презрѣнnyй человѣкъ. Такъ долженъ поступать всякий и съ болящими душой, съ грѣшниками, съ злобствующими людьми: не нужно бояться ихъ злобы или оскорбляться ихъ неблагодарностью, несправедливостью, нужно бережно подойти къ душѣ человѣческой и постараться затронуть ея лучшія струны, пробудить въ ней добро, потому что оно есть въ ней. Пробудилось въ душѣ человѣка это добро, почувствовалъ онъ хоть краемъ сердца всю сладость правды и любви, тогда онъ и самъ, безъ нашихъ убѣждений, пойдетъ къ царству правды и любви, пойдетъ за Христомъ. Не сокрушать надломленныхъ трости строгостью неумолимаго порядка и фарисейской благонамѣренности призываетъ нась Спаситель, не властвовать надъ людьми, а послужить имъ, какъ и Самъ Онъ послужилъ и далъ душу Свою за избавленіе многихъ.

Итакъ: въ нашей душѣ прирожденъ нравственный, неписанный законъ, которымъ мы отличаемъ доброе отъ злого. Свойства этого закона таковы, что прямо указываютъ на его высшее происхожденіе. Св. Писаніе объясняетъ этотъ законъ

богоподобностью человѣческой природы: какъ сродной Богу, ей свойственно жить по закону жизни Божественной. Отсюда выводы: 1) спастись грѣшнику, преступнику закона Божія можно только обратившись съ покаяніемъ къ Самому Законодателю, т. е. только чрезъ Христа; и 2) богоподобный человѣкъ всегда остается богоподобнымъ, способнымъ къ царству Божію; поэтому, обязанность наша, послужить спасенію ближняго, ничѣмъ и никогда съ насъ не снимается.

Инспекторъ Академіи Архимандритъ Сергій.

---



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии  
[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки